

Стоическая философия возникает в эпоху, когда греческая мысль, утомленная теоретическим умствованием, все более и более стремится к цельному догматическому миросозерцанию, которое могло бы стать на место разложившихся верований и обосновать систему рациональной этики. Такое миросозерцание являлось потребностью целого общества, целой культуры, а не тесного кружка мыслителей, замыкавшихся в стены своей школы. Греческое просвещение покоряло мир, становилось мировой политической силой — и греческая философия соответственно этому меняла свой прежний характер: она переставала быть исследованием, умозрением и обращалась в догму. Такой характер более всего придали ей Зенон,

основатель стоической школы, и его многочисленные последователи.

Главнейшие стоики. Зенон из Кития на Кипре (ок. 334–262 гг. до н.э.) сошелся в Афинах с киником Кратесом, в котором он видел истинного представителя философии Сократа. Неудовлетворенный киническим учением, он слушал и других учителей — мегарца Стильпона и платоников Ксенократа и Полемона и к концу IV в. основал собственную школу в «узорчатом портике» (стоа пойкиле), от которого она и получила свое название. Сочинения его, касавшиеся самых разнообразных предметов, дошли до нас лишь в незначительных фрагментах, как и сочинения его преемника Клеанфа из Асса, бывшего кулачного бойца, который стал философом благодаря глубине увлечения и необыкновенной энергии. Другие ученики Зенона — его земляк Персей, Аристон Хиосский, Герилл из Карфагена, Сфер из Босфора и поэт Арат из Сицилии. Преемник Клеанфа Хризипп — один из самых плодовитых писателей древности, неутомимый преподаватель и полемист, прославился как второй основатель стоицизма, развивший его систематически в своих многочисленных философских и полемических сочинениях. Его многочисленные ученики распространили стоическое учение на восток и на запад (Зенон, Антипатр и Архедем из Тарса, Диоген Вавилонянин). Из современников его выдаются знаменитый ученый Эратосфен Киренский, ученик Аристона, и Телес, проповедник нравственности, сильно приближавшийся к кинизму. Ставя философии высшую практическую цель, уже ранние стоики расходились

в оценке теоретической философии: так, Герилл, подобно Аристотелю, полагал высшее благо и высшую цель в *познании*, между тем как Аристон не хотел знать ни диалектики (логики), ни физики, считая первую бесполезной, а вторую — недоступной человеческому знанию, и придавал цену лишь основным принципам этики. Помимо этих уклонений, школа сначала твердо держалась основных начал своего основателя. Более глубокие различия мы находим лишь во II и I вв., в эпоху усиливающегося эклектизма. Ученики Диогена, Боэф и в особенности Панеций Родосский, значительно приближаются к Аристотелю, а ученик Панеция Посидоний был ревностным почитателем Платона и стремился к соединению стоицизма с учениями Платона и Аристотеля. Его философия носит отпечаток эклектического, платонизирующего стоицизма, разновидности которого мы находим у неопифагорейцев, эклектиков, академиков школы Антиоха Аскалонского и Евдора, у Филона и в ранней патристике. Во времена империи стоицизм обратился в популярную просветительную философию, сосредоточившую в себе лучшие заветы античной доблести и нравственной мысли. Он получил самое широкое распространение; мы находим его представителей на всех ступенях общественной лестницы, от императора Марка Аврелия и государственного деятеля Сенеки до раба Эпиктета. Проповедь этих учителей приобретает духовно-нравственный отпечаток, столь характерный для всей эпохи, но они остаются верными основным началам первоучителей — Зенона и Хризиппа — и держатся их строже, чем, например, Посидоний.

Задача стоической философии состояла в том, чтобы найти прочное разумное основание для нравственной жизни. Вместе с киниками стоики видели в человеческом знании лишь средство к добродетельному поведению и достижению блага; вместе с киниками они поставили себе задачу сделать человека свободным и счастливым посредством добродетели. Поэтому они определяли философию как упражнение в добродетели. Сначала Зенон сходил с киниками в пренебрежении к теоретическим наукам — черта, которую до крайности усиливал ученик его Аристон; но впоследствии, по-видимому, сам Зенон освободился от такой односторонности, не впадая в обратную крайность другого ученика своего, Герилла, который вместе с Аристотелем признавал познание высшим благом. Наиболее отчетливо выражена основная тенденция школы у Хризиппа: полемизируя с Аристотелем, он признает, что цель философии заключается в том знании, которое ведет к истинной деятельности и тем самым составляет часть такой деятельности. По учению стоиков, истинная деятельность невозможна без истинного, объективного знания; как и у Сократа, мудрость и добродетель признаются тождественными, и потому философия, определяемая как «упражнение в добродетели», есть вместе с тем «познание божеского и человеческого». Напрасно было бы видеть в стоицизме исключительно *этическое* учение; хотя нравственный интерес в нем и преобладает, его этика, столь же рационалистическая, как у других нравственных учений греков, всецело основывается на теоретической подстройке. Рациональное

философское мирозерцание само по себе имело известную нравственную цену в глазах стоиков, и если некоторые из них любили выставлять напоказ свое презрение к чистой теории, то сравнение с киниками указывает, насколько разнятся они от этих моралистов именно в разработке теоретической философии — логики и физики, которой киники действительно не хотели знать. Истинно доброе поведение, по учению стоиков, есть разумное поведение — а разумно то поведение, которое согласуется с природой человека и всех вещей. Чтобы согласовать свое поведение с законом Вселенной, нужно познавать этот закон, познавать человека и Вселенную. Отсюда по необходимости возникают логика, исследующая вопрос о познаваемости вещей, о критерии истины, — и физика, или наука о природе. В своем стремлении к цельному, свободному от противоречий, чисто рациональному мирозерцанию стоики нередко являются эклектиками по отношению к предшествовавшим учениям: они поставили себе трудную цель — примирить дуалистическую философию понятия, развившуюся после Сократа, с первоначальным *монизмом* ионийской физики.

Логика. Аристотель искал высшую цель познания в нем самом и видел в разуме деятельное начало познания; стоики ищут цель познания в его практическом результате и признают началом знания нечто ему внешнее — впечатления от вещей, испытываемые нами. У Аристотеля теория познания как бы двоятся между рационализмом и эмпиризмом: с одной стороны, начало познания есть всеведущий деятельный ум, с другой — мы обладаем пассивной

восприимчивостью к внешним впечатлениям. В своих поисках реального, положительно обоснованного знания стоики принимают одну реалистическую сторону учения Аристотеля: опыт есть единственный источник познания, и мышление наше — восходя от известного к неизвестному, от данных частных случаев к другим предваряемым случаям, к обобщениям — оперирует лишь с материалом ощущений, вызываемых впечатлениями. Все *представления*, составляющие содержание нашего знания, возникают из *ощущений* внутреннего или внешнего чувства, из отрисков или *впечатлений* внешних предметов, производящих внутренние изменения или движения души. Из восприятий такого рода рождается память, из памяти — опыт. Душа есть чистая хартия, на которую наносятся начертываемые знаки. От однородных частных восприятий мы приходим путем умозаключений к понятиям; и поскольку последние служат естественным результатом повседневного опыта, они характеризуются как *общие понятия*, предшествующие всякому искусственному научному исследованию в качестве общих предубеждений или «предвосхищений». Наука разрушает некоторые из таких убеждений, подтверждает другие и, наконец, порождает новые, высшие обобщения, проверенные, сознательные и уже неопровержимые. За рассудком признается право на безусловно достоверные обобщения. Как, однако, они возможны, если в действительности нам дано лишь частное или единичное? Киники были последовательнее, отрицая возможность общих определений. Зато стоики были практичнее в своей

непоследовательности: нельзя поступать разумно без общих принципов и целей — и если невозможно разумное знание, то невозможно и разумное поведение. Но если источником знания служат чувственные впечатления, то в чем критерий истинности наших представлений и как можем мы сами судить об их соответствии или несоответствии объектам? Такой критерий стоики указывают в непосредственной очевидности или убедительности некоторых из наших представлений, которые заставляют нас невольно соглашаться с ними; такие представления *обнимают* в себе свой предмет и связаны с сознанием его действительности. Зенон называл их «понимательными представлениями» и усматривал в них критерий истины. По свидетельству Диогена Лаэртца, Хризипп видел критерий в ощущении и общих понятиях, образовавшихся непосредственно, помимо научного размышления, а некоторые из предшествовавших стоикам искали критерий в логической деятельности разума. Как ни различны на вид эти определения, они легко согласуются между собою с точки зрения грубого сенсуалистического реализма стоической школы: все содержание разума и понятий определяется впечатлениями, а в этих последних мы непосредственно воспринимаем самые вещи. Восприятие очевидно, как непосредственный отпечаток вещи; общие понятия истинны и очевидны как результат многократного повторения однородных восприятий, при котором естественно отпадают случайные элементы единичного восприятия; наконец, такие понятия обладают высшею достоверностью, когда они имеют за себя *общее* согласие

всех или ручательство, даваемое научной проверкой, которая сама опирается на общие истины опыта. Вся эта теория познания представляется сенсуалистическим упрощением учения Аристотеля. Не следует, однако, смешивать стоиков с позднейшими сенсуалистами. Признавая в своей физике непосредственное единство духа и материи, разума и вещества, они признавали и непосредственную *разумность самых чувств*: на этом-то и основывалось их учение о «понимательном представлении» — чувственном образе, понимающем, «схватывающем» свой предмет. Теория познания стоиков составляла отдел их *логики*, которую они понимали весьма широко — как науку о *внутреннем* и *внешнем слове*, то есть о мысли и о ее словесной форме; соответственно этому они делили логику на *диалектику* и *риторику*, причем первая распадалась на формальную логику в тесном смысле, учение о критерии, поэтику и грамматику. В области последней заслуги их были весьма почтенны, но в области формальной логики они ограничились схоластической переработкой того, что сделано было Аристотелем.

Физика. В физике, как и в теории познания, стоики дают реалистическое упрощение учения Аристотеля, отвергая его дуализм. Есть только одно начало в одно и то же время духовное и телесное — живая разумная стихия, подобная огню Гераклита или воздуху Анаксимена. Вселенная есть живое тело, все члены которого разумно согласованы. Она образуется путем последовательных сгущений и разрежений огненного духа, или пневмы: эта пневма сгущается в воздух, из которого сгущается влага — вода; из воды сгущаются

твердые осадки — земля — и вновь улетучиваются путем разрежения (пары, воздух, огонь). В мире нет пустоты; есть лишь тела различной плотности, которые все соединяются воедино всеобъемлющим и всепроницающим телом — воздухом. «Пустота» лежит за пределами мира: когда Вселенная возвращается в первобытное единство в общем воспламенении всех стихий, мировое вещество беспредельно расширяется в этой пустоте, чтобы затем вновь сгуститься в компактную массу при наступлении нового периода миробразования. Без единства вещества и его непрерывности не было бы связи и взаимодействия вещей, которые относятся друг к другу как части единой субстанции. Без такого единства субстанции необъяснимо взаимодействие между материей и формой, душой и телом, разумом и вещами; дух не действовал бы на вещество, если бы он не был телесным, формы не могли бы воплощаться в веществе, если бы они были бесплотны. У Платона не только дух, но и материя были бесплотны; у стоиков не только материя, но и дух есть тело. Мало того: стоики признавали телесность не только души, но и самых *свойств* и *качеств* вещей, то есть «форм» Аристотеля; самые *состояния* и *деятельность* существ, даже аффекты и добродетели души представлялись им телесными. Все это своего рода тонкие «материи», или токи, — своеобразные пневматические сущности, которые распространяются, проникают собою более грубые тела и сообщают им те или другие свойства (например тепло, цвет, болезнь и пр.). Таким образом, стоики вовсе не думали отрицать психические свойства или проповедовать грубый

материализм: они хотели только разрешить проблему метафизики Аристотеля и его теории познания, упразднив ее дуалистическое противоположение между идеальным и реальным, между бесплотным понятием («формой») и чувственной материальной действительностью. Они допускали различие между духом и «неразумным» веществом, между активным и пассивным началом, между материей и силой; но дух был для них телесным, сила — также материей своего рода или, точнее, состоянием материи, ее «тоном»: различия в степени энергии, жизненности, разумности зависят от «тона», напряжения основной стихии. Материя и сила нераздельны; вещество не существует без сил, без качеств и состояний, как и качества и состояния, производимые силами, не существуют вне вещества. Таким образом, в самом монизме стоиков уцелели следы дуализма Аристотеля: сама по себе материя «бесформенна и бескачественна», лишена жизни и движения; она движется, оживляется и формуется тою творческой разумною силой, которая ее проникает. И единство, и стройность мироздания свидетельствуют о единстве силы, его зиждущей, как и о единстве его вещества. Эта единая разумная сила определяется как *логос*, разум мира или божество. В божестве нераздельно связаны и активная, и пассивная, и материальная, и духовная стороны, как душа и тело в человеке. Божество есть в одно и то же время и физическая субстанция, из которой образуется тело Вселенной, и универсальный логос, определяющий закономерное разумное устройство целого и оживляющий природу. Божество, сохранившее в чистоте